

возникли в том виде, как их знает этнография, не только сравнительно недавно, но они, как это показывает и автор, относительно неустойчивы. Строго говоря, все эти комплексы — черта культуры, принадлежность уже одного народа — украинцев. И отражение в них прежних делений либо охватывает отдельные особенности костюма, либо связано совсем не с этнолокальными традициями, а с причинами имущественно-социального плана (то же влияние города, господствующих сословий и т. п.). Вряд ли стоит «тянуть в прошлое» именно комплексы целиком. И еще одно замечание общего порядка в связи с этнической историей: не преувеличиваем ли мы иногда роль этнического фактора? Ведь в жизни Украины XVII—XVIII вв. сословные различия (деление на казаков, «черкасов» и крепостное, зависимое население) имели весьма существенное значение. Сословные различия отражались и в одежде. Шли достаточно сложные внутренние миграции, менялся и социальный статус многих групп крестьянства. Все это так или иначе сказалось и на облике их костюма. Правда, это особая тема, но не учитывать ее нельзя, хотя бы в общем плане.

По сравнению с работами Т. А. Николаевой по современной одежде, мне показались и материалы, и текст ее третьей главы более сжатыми, фрагментарными. Получилось своего рода «независимое» заключение, некий проспект на будущее. С ее главным тезисом трудно не согласиться. Да, у народа Украины такие богатые традиции, такое обильное и красочное наследие в материалах по крестьянской одежде, которые просто преступно не использовать в сегодняшней нашей жизни. Тупая погоня за зарубежными образцами не делает чести нашей индустрии одежды. Но мне показалось, что простое включение элементов традиционного костюма — образцы кроев, использование орнамента, соотношение цветов, словом, попытка перенести части из прошлого в настоящее не решают сути дела и редко приживаются. Это характерно для подобных попыток во всех регионах нашей страны, во всех национальных республиках. И дело здесь, видимо, не в недостатках наших модельеров, а именно в методах использования нашего общего богатого наследия.

На разных этапах истории одежда играла разные роли. Возникнув как элемент потребления, она исторически приняла на себя и социальную функцию. Но главное оставалось: одежда должна была служить людям, конкретным людям, исходя из их образа жизни, потребностей, условий труда, досуга. И те комплексы крестьянской одежды, которые так внимательно восстановила и представила в своей книге Т. А. Николаева, тоже принадлежат определенному историческому периоду.

В первых двух параграфах третьей главы Т. А. Николаева дает интересный материал о том переломном моменте, который в дальнейшем привел к современному состоянию одежды. Но этому очерку явно недостает глубины и обоснованности в выводах, так как одежда рассматривается сама по себе, а изменяющиеся условия жизни людей — лишь в общих фразах, каждая из которых справедлива сама по себе, но они общей картины не составляют. А ведь изменения в одежде заключены не только и не столько в новых материалах и возможностях, но и в изменившейся жизни людей, их мировоззрении, отношении к этому элементу культуры. Рационализм и практичность современных видов одежды (далеко не обязательные!) — результат воздействия суммы факторов. Ведь и крестьянская одежда по-своему была рациональна! Изменились сами требования и к рациональности, и к одежде. К сожалению, теоретически эта сторона современной культуры пока не изучена, и далее разговоры о сочетании народных традиций и современных мод мы пока не пошли. Возможно, в дальнейшей работе Т. А. Николаева восполнит этот пробел? Фундамент для этого заложен.

Возвращаясь к общей оценке труда Т. А. Николаевой, можно поздравить наших читателей и нашу науку с появлением еще одного интересного и очень содержательного сочинения. Я бы еще раз подчеркнул богатство иллюстраций. Дело не только в общей культуре издания, что отличает издательство «Наукова думка», судя по тем этнографическим книгам, которые я знаю. Благодаря богатству иллюстраций в руки читателя приходит сам фактический материал с его наглядной убедительностью и достоверностью, а хорошее качество исполнения само по себе пробуждает любовь и уважение к народной культуре, к богатейшему наследию, которым мы располагаем и которое обязаны беречь.

Как и любое значительное исследование, труд Т. А. Николаевой вызывает на дискуссию, приглашает богатством затронутых тем и вопросов к размышлениям, научным спорам. Но он не оставляет читателя равнодушным, чему способствует и приведенный в книге обильный фактический материал. Книга — лучший подарок не только разного рода специалистам в области культуры, но и самым широким кругам читателей.

Г. Г. Громов

© 1990 г.

Н. И. Саваушкина. Русская народная драма: художественное своеобразие. М., 1988. 231 с.

Среди фольклорных жанров есть такие, которые ведут свое начало с незапамятных времен и сопровождают породивший их народ на всем пути его исторического развития. У русских это былины, сказки, пословицы, обрядовый фольклор, загадки и пр. Именно им отдают преимущественное внимание фольклористов. Достаточно посмотреть библиографические указатели по фольклору, чтобы убедиться в этом.

Но фольклор — это не только веками хранимая и передаваемая из уст в уста традиция. Фольклор, как и народное искусство в целом, живет и постоянно меняется (при всей его удивительной и отличительной способности хранить почти в неизменном виде эту традицию!). Он жадно впитывает в себя трансформирующуюся реальную действительность, в которой он живет и бытует. На поздних этапах его развития фольклор подвергается мощному воздействию книги (особенно лубочной), профессиональной музыки, театра и т. д. Вспомним еще раз образную характеристику фольклора, данную Ю. М. Соколовым: фольклор — это не только «отзвук прошлого, но в то же время и громкий голос настоящего».¹

Есть в фольклоре и такие жанры, которые возникли на сравнительно позднем этапе его развития. Я имею в виду частушку и русскую народную драму. Если частушка, как современный и весьма продуктивный вплоть до наших дней жанр народного творчества, не может пожаловаться на невнимание к нему современной фольклористики, то русская народная драма, наоборот, изучена гораздо слабее. Она поздно возникла (основной репертуар дошедших до нас драматических произведений — развитых пьес — сложился в России в середине XVIII — первой половине XIX в.) и с самого начала не пользовалась всенародной известностью и распространенностью, а также популярностью. Были исследователи, которые вообще отказывали народной драме в праве быть причисленной к традиционному народному искусству.² Показательно, что русской народной драмой занимались преимущественно историки театра и литературоведы. Правда, и среди этнографов и фольклористов сложилась небольшая, но весьма активная группа энтузиастов (П. Г. Богатырев, В. Ю. Крулянская, Т. М. Акимова, В. Е. Гусев), которая много сделала для фольклористического изучения русской народной драмы. К числу этих энтузиастов с полным основанием можно причислить и Н. И. Савушкину, которая давно уже зарекомендовала себя как опытный собиратель устного народного творчества³, известный педагог и воспитатель научной молодежи и, главное, видный исследователь русской народной драмы, автор и книг⁴, и многих статей по этой тематике.

Если предшествовавшие книги Н. И. Савушкиной были более широкими по тематическому охвату, касались всего русского народного драматического искусства, анализировали, например, драматическое искусство сказочников, разыгрывание хороводных песен, театральность народной свадьбы и т. д., то рецензируемая книга значительно уже по содержанию. Она посвящена поэтике народной драмы, ее художественному своеобразию. В книге рассматриваются идейно-эстетические аспекты русской народной драмы, особенности ее художественной структуры, системы персонажей и стиля, обусловленные влиянием массового демократического искусства конца XVII — начала XX в., с одной стороны, и лубочной литературы — с другой. Такое ограничение тематики позволило автору углубить и конкретизировать свой анализ, придать ему большую убедительность и аргументированность, коснуться таких сложных и редко исследуемых понятий, как типы и строение речевых характеристик, стили народного драматического искусства и т. д. Новая книга Н. И. Савушкиной — органическая часть исследований, посвященных поэтике фольклора, — заново возрождающейся у нас области советской фольклористики.

Рецензируемая книга — специальное исследование, рассчитанное на человека, уже знающего тексты русских народных драм, ориентирующегося в вопросах идейно-эстетической структуры фольклора, в сюжетно-композиционных особенностях русского народного творчества, в функциях народного искусства в современной общественной жизни. Короче говоря, это книга для специалистов — фольклористов и этнографов, но не только для них. В ней многое почерпнет для себя и историк культуры. Он найдет в ней новый и свежий материал о формировании народного самосознания в XIX—XX вв., о взаимовлияниях лубочной литературы и народного творчества, о роли любительских театров и театров для народа в формировании народных вкусов. Весьма важен в этом плане вывод автора, что «развитая народная драма, сформировавшаяся в русской народной традиции под сложным воздействием массовой городской культуры и приобретя огромную популярность со второй половины XIX в., сама способствовала сохранению интереса к лубку, балагану..., приобщению к любительским спектаклям» (с. 48). Рецензируемая книга дает возможность вновь поставить сложный вопрос об эстетических запросах народа на разных этапах его исторического развития. Эта книга — несомненный вклад в исследование праздничной жизни народа в прошлом и настоящем — тема, изучение которой за последнее время все больше активизируется.

Итак, рецензируемая книга найдет своего читателя. Она нужна многим и разнообразным специалистам из разных общественных наук. Но, повторяю, специалистам, а не «всем интересующимся народным искусством», как об этом сказано в аннотации к данной книге. Для любителей народного творчества книга эта сложна и по содержанию, и по изложению материала. Достаточно, например, взять VI главу книги — «Типы и строение речевых характеристик». Раскройте книгу на с. 152—153: что могут дать непросвещенному любителю голые перечни диалогов, характеризующих конфликт, диалогов-приказов, комических диалогов и т. д. — без примеров, без доказательств, без каких бы то ни было характеристик... Это — пример гелертовского языка цитируемой специальной монографии, рассчитанной на узкий круг ценителей данного жанра. Обильно цитируя предшествовавшие труды и источники, автор не всегда указывает их авторов, хотя и не скрывает архивного местонахождения оригинала (рукописный отдел Института этнографии — см. с. 25, 29 и др.). Ну, скажите, кто из любителей, «интересующихся народным искусством», сможет воспользоваться такими указаниями? Ясно: одни специалисты.

Правда, введение и первые две главы монографии совсем иные и по манере изложения, и по языку, и по содержанию. Они, действительно, могут представлять интерес для самых широких читательских слоев. В них ставится и удачно решается большой и важный вопрос о значении лубка для развития русской народной драмы и, шире, русского народного творчества

вообще в XIX — начале XX в. Автор умело использовал известную литературу. Правда, в перечень источников не вошли книги А. А. Белкина «Русские скоморохи» (М., 1975) и Д. С. Лихачева и А. М. Панченко «„Смеховой мир“ Древней Руси» (Л., 1976), хотя они и могли бы дать дополнительный материал автору. Но это право исследователя ограничивать себя теми или иными работами. Выводы Н. И. Савушкиной существенно дополняют наблюдения предшествовавших исследователей, изучавших лубочную литературу: они, как правило, ограничивались сказкой и песней и не касались воздействия лубка на народную драму. Автор, следовательно, расширил диапазон воздействия лубка на народное искусство, вписал, по сути дела, новую страницу в изучение этой слабо исследованной области литературно-фольклорных связей. Наблюдения Н. И. Савушкиной свежи и убедительны, и широкое сопоставление русской народной драмы и лубка в книге совершенно оправдано. Можно отметить только одну небольшую неточность: следовало бы указать, что И. С. Ивин, которого автор (наряду с А. С. Пругавиным) именует «авторитетным знатоком народной книги» (с. 24), одновременно является и писателем-лубочником. Идентичность этих двух имен давно уже установлена⁵.

Весьма интересны и содержательны наблюдения Н. И. Савушкиной о влиянии балаганов и любительских театров на русскую народную драму. В этом плане рецензируемое исследование входит в круг трудов, анализирующих взаимоотношения народного, профессионального и любительского искусства. Известно, что за последнее время и искусствознание, и этнография уделяют заметное внимание этой сложной и малоизученной научной проблеме, и монография Н. И. Савушкиной может дать дополнительный материал для ее изучения.

Но главное и основное значение рецензируемой книги заключено в подробном и детальном анализе художественного своеобразия русской народной драмы. Новая работа Н. И. Савушкиной поможет развенчать сложившееся у некоторых авторов предубеждение против несомненных и высоких художественных достоинств русской народной драмы. Конечно, они несопоставимы с художественным миром былины, лирической песни, волшебной сказки и т. д. Перед нами совсем иной мир, преимущественно городских народных масс и грамотного крестьянства XIX — начала XX в., знакомых уже и с лубком, и с городским романсом, с совершенно иными эстетическими вкусами и пристрастиями. Это любители «площадного» драматического искусства, с его вниманием к «разбойничьей» тематике, грубоватому бурлеску и бьющему на внешний эффект комизму. Заслуга автора в том, что он разглядел за всеми этими внешними аксессуарами глубокий и органический сплав народного юмора с идейно-эстетическими представлениями. Многие наблюдатели и исследователи русского народного творчества не понимали истинного значения русской народной драмы, ее роли в духовной жизни народа, ее злободневности и сатирической направленности. Заимствования из литературы и культурных достижений правящих классов, так бросающиеся в глаза при первом столкновении с народной драмой, затмевали для них подлинный смысл народного театрального действия. Лишь очень немногие — и среди них Ф. М. Достоевский! — поняли высокий социальный смысл русской народной драмы, уловили неистребимый ее оптимизм, ее гуманистический пафос, которые возвышали и преображали зрителя народного представления.

Итак, перед нами добротное научное исследование, самостоятельное и хорошо мотивированное, несомненный шаг вперед в изучении поэтики фольклора, предпринятое на своеобразном материале. Оно снабжено большим количеством приложений, указывающих на места хранения записей народных драм или на публикации этих записей. Оказывается, мы располагаем довольно значительным количеством вариантов — более 200! — важнейших народных драм. Все они в той или иной степени использованы в рецензируемой книге. Хорошо, что автор привел и библиографию литературных, мемуарных и эпистолярных свидетельств о народной драме, а также список важнейших лубочных и массовых изданий (но, конечно, далеко не всех!) тех повестей, сказок и песен, которые оказали влияние на русскую народную драму. Особенно важно IV приложение — перечень пьес для массовой сцены балаганных и общедоступных театров.

Но как бы украсила книгу публикация хотя бы избранных лучших текстов русской народной драмы! Единственная стоящая публикация подобного рода — это книга П. Н. Беркова «Русская народная драма XVII—XX веков» (М., 1953), составленная преимущественно из дореволюционных материалов. Кроме того, она давно уже стала библиографической редкостью. А ведь преобладающее количество записей падает на советское время, и среди них львиная доля принадлежит записям самой Н. И. Савушкиной или совершенным под ее руководством записям участников фольклорных экспедиций МГУ. Так почему же это богатство лежит втуне под спудом и не становится достоянием научной общественности?

Я предвижу и возможный стандартный ответ на этот вопрос — опять нет бумаги... Но разумно ли публиковать книгу без «материального обеспечения» тех выводов, к которым приходит автор? Н. И. Савушкина заключает свое исследование очень глубокой мыслью, своеобразной программой советской фольклористики: «... от систематизации источников, текстов и свидетельств во всей полноте к установлению творческого характера фольклорной традиции, к изучению нового исторически обусловленного типа фольклорного творчества в XIX—XX вв. — такова перспектива создания истории русского фольклора во всей его сложности и многообразии» (с. 195). С этим можно согласиться, но с одним существенным дополнением: не только систематизации, но и публикации источников — ну, а далее все по тексту!

Л. Н. Пушкарев

Примечания

¹ Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 1941. С. 14.

² Балашов Д. М. Драма и обрядовое действо (К проблеме драматического рода в фольклоре) // Народный театр. Л., 1974. С. 7—19.

³ Савушкина Н. И. О собирании фольклора: Учебное пособие для студентов-заочников филологических факультетов государственных университетов. М., 1974.

⁴ Савушкина Н. И. Русский народный театр. М., 1976; *еже же*. Русская устная народная драма. Вып. 1. Классификация и сюжетный состав. М., 1978; Вып. 2. Вопросы поэтики. М., 1979.

⁵ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей и ученых. Т. 1. М.; Л., 1936. С. 379.

СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК О СОВЕТСКИХ ТРАДИЦИЯХ, ПРАЗДНИКАХ И ОБРЯДАХ

Один из компонентов современной культуры — новые праздники и обряды. Относительно недавно возникшее социальное явление находится в процессе становления, в поисках более совершенных форм. В отличие от традиционной, новую обрядность называют «гражданской» или «советской». Первое наименование связано с ее атеистическим содержанием, второе — более широкое понятие, подчеркивает идейную направленность обрядов, отражающих нормы советского образа жизни.

Как всякое новое явление современная обрядность своим функционированием способствовала появлению новых определений, терминов. Их содержание нередко является еще неустойчивым, многозначным, дающим возможность разных толкований. Привычные и, казалось бы, хорошо известные понятия приобрели другое значение. Появилось, например, выражение «советский обряд».

Многие новые понятия, относящиеся к современной обрядности, отсутствуют в энциклопедических словарях. В связи с этим задачу объяснения новой лексики призваны решать более мобильные специализированные словари. К такого рода изданиям относится и рецензируемый словарь-справочник «Советские традиции, праздники и обряды», изданный в Киеве в 1988 г. (Гаврилюк Н. К., Курочкин А. В. Конвай В. Д. и др. Сост. Попов Б. В.).

Как отмечают авторы во введении, перед словарем ставилась задача — «отразить основные явления и процессы, связанные с функционированием и развитием социалистической празднично-обрядовой культуры» (с. 6). Читатель найдет в словаре разъяснение большого числа терминов, относящихся не только к новым реалиям, но и к тем традиционным обычаям и обрядам, которые продолжают бытовать и сейчас. Авторы правильно, думается, сделали, включив в словарь основные традиционные праздники и обряды народов СССР. Ведь значительную часть новой обрядности, на много большую, чем собственно новые обряды, не имевшие прототипа в прошлом, составляет традиционная обрядность, сохраняющая многовековой народный опыт.

Читатель может ознакомиться с такими национальными праздниками и обрядами, как восточнославянские «Масленица», «Обжинки», «Купала», удмуртский «Гырон быдтон», башкирский «Карга-туй», латышский «Лиго», узбекский «Лола-сайли», лезгинский «Цуквер сувар», бурятский «Сагалган», молдавский «Мозрцишор» и др.

Несомненно полезными окажутся для организаторов обрядов приведенные в справочнике многочисленные материалы, объясняющие термины и связанные с различными практическими аспектами проведения ритуалов. Такой характер носят понятия «Архитектурно-планировочные компоненты обряда», «Драматургия и режиссура советских праздников и обрядов», «Музыкальная драматургия обряда и праздника», «Обрядовая символика» и др. Издание справочника, помогая удовлетворить возникшую потребность в объяснении многих специальных понятий и терминов, тем самым в определенной мере служит выполнению существующего социального заказа.

Справочник в отличие от монографии или сборника статей — работа нормативного характера, предполагающая всестороннее освещение рассматриваемых вопросов. К сожалению, знакомясь со справочником, можно убедиться, что в нем отсутствуют такие ключевые понятия, как «Обряды», «Традиция», «Ритуал». Есть статья «Обряд социалистический», в которой, на наш взгляд, все аспекты этого сложного социального явления полностью не раскрыты. В частности, следовало бы больше уделить внимания проблеме места и значения традиционной обрядности в развитии современной.

Соотношение традиционного и нового — это один из ключевых вопросов в понимании характера развития новой обрядности, поэтому следует на нем остановиться подробнее. В связи с этим можно отметить, что новые бытовые обряды и ритуалы, созданные без всякой связи с традиционной народной обрядностью, не получили широкого распространения. Негативное отношение к использованию народных традиций в 1940—1950 гг. было обусловлено сложившимися в послереволюционный период социально-политическими оценками всей дореволюционной культуры, как профессиональной, так и народной. Отрицание буржуазной идеологии распространилось и на традиционную народную культуру. Под влиянием идей Пролеткульта в 1920-х годах пытались создать новую обрядность, которая была бы созвучна «чистой классовой пролетарской культуре». В новых обрядах того периода видела в основном средство преодоления религиозных традиций. Этот утилитарный и односторонний подход к такому многообразному явлению, как праздничная сфера жизнедеятельности, обеднил ее. В заменивших традиционные новых обрядах, созданных по сценариям, был нарушен один из главных обрядообразующих принципов — условный, символический характер передачи основных идей обряда. Место символа или знака заняли прямая речь или лозунг. Идеологический,